

180

Сергей Челяев
(1960–2024)

рассказ

Рецепт бузонского сидра

OK

К ТОМУ времени, когда староста Якоб заглянул ко мне пасмурным сентябрьским утром, я уже твёрдо знал, что мне чертовски нравится эта горная деревенька. Рекомендованная старинной приятельницей для сочинения тихого и неспешного романа чувств, она была чудо как хороша. Я прожил неделю в крохотной гостинице, уплетал по утрам местные жёлтые сливы величиной почти с куриное яйцо и гулял по альпийским лугам. А самое главное, с удивительной лёгкостью делал свою ежедневную писательскую норму – двадцать тысяч знаков текста с учётом пробелов. Десять тысяч утром, десять – после обеда. И голова при этом оставалась на удивление лёгкой, а образ мыслей – возвышенным.

– Ты всё пишешь, Варак? – проворчал Якоб, рассеянно оглядев мой стол. Я пожал плечами и предложил старосте кофе.

– Учёные люди не часто приезжают к нам, – заметил Якоб. – Они теряются без своих больших городов. Города диктуют им, как жить.

– Кто сказал эту чушь? – не удивился я.

– Родольфо сказал, колдун, – кивнул Якоб.

– Пусть лучше колдует, – буркнул я и занялся кофейником.

Не люблю болтунов, к тому же несведущих в своём деле. За время, проведённое в деревне, у меня сложилось твёрдое убеждение, что должность местного колдуна здесь попросту выборная, чисто номинальная и основана на какой-то давней заскорузлой традиции.

– Ты тоже учёный человек, пишешь книги, – сообщил мне Якоб с таким видом, словно говорил с диким эфиопом и вдобавок двухголовым. – Кто их читает кроме тебя?

– Разные люди, – пожал я вновь плечами.

– Они ведь ещё и платят за это! – вздохнул староста.

– Случается.

– Ясно, – хмыкнул Якоб. После чего разговор окончательно зашёл в тупик. Я уже решил сослаться на занятость, но староста неожиданно сказал:

– Я мог бы тоже заплатить, если ты нам кое-что прочтёшь.

– Обычно мне платят за то, что я пишу. А читают другие, – заметил я.

Староста сурово покачал головой.

– Мы ведь не в твоём городе, – с достоинством сказал он. И покосился на книжную полку, сиротливо выделяющуюся на стене, оклеенной обоями – блёклые васильки на пшеничном поле.

Я мысленно чертыхнулся. Дурная привычка – брать в поездки образчики собственного творчества. На полке стоял пяток моих старых книжек, на мягких обложках – ведьмы, вампиры, костлявые лица монахов. Напоминание о том, сколь суетен был путь автора к его нынешнему успеху. Если, конечно, полагать за успех право писать что вздумается, вне серий и планов моего издателя.

– Приходит осень, – заметил Якоб, – и, значит, Родольфо опять попытается прочесть рецепт бузонского сидра. Но ему никогда это не удаётся.

– Бузонский сидр? Никогда не слышал о таком, – ответил я, усилием воли напрягая плечи. – Из чего варите?

– Сроду не варили, – покачал головой Якоб. – Сохранился только рецепт, он у Родольфо...

Староста посмотрел на меня внимательно, словно решая, можно ли мне доверить их кулинарный секрет.

– Для того и колдун в деревне, чтобы хранить рецепт бузонского сидра. Так делали наши предки, а теперь очередь дошла и до нас.

– Что же сидр – того стоит? – усмехнулся я.

– Того стоит рецепт, – возразил староста. – Уже двести лет мы храним бумагу в ожидании, что кто-то сумеет её прочесть.

– Рецепт написан на чужом языке?

– Нет, и все слова вроде понятны, – проворчал староста. – Но никто не может объяснить нам их смысл.

– Так отдайте бумагу учёным людям, – предложил я, невольно заражаясь местной лексикой. – В городе есть университет, найдутся, наверняка, и лингвисты. Специалисты по языку, – поспешно добавил я.

– Мы не можем выносить рецепт из деревни, – твёрдо сказал Якоб. – Это завещано нам предками. Иначе на нас обрушатся неисчислимые беды.

Ага! Вот тебе и милое, уютное суеверие местных селян, мысленно поздравил я себя. Как думаешь, оно сгодится для твоего романа чувств?

Эти деревенские – как дети малые во всём, что касается их традиций. И тут появляется скучающий городской писатель – чем не сюжетец для сентиментальной новеллы?

– Можно просто переписать ваш рецепт и отправить в город почтой. Или с верным человеком, – предложил я.

– Его нельзя переписать, – сказал староста. – Родольфо пробует это каждую осень, и у него ничего не получается.

Я не удержался и глянул на часы.

А староста упрямо повторил:

– Мы могли бы заплатить, Варак. Если ты прочтёшь.

Иногда, чтобы сохранить присутствие духа, можно просто побарабанить пальцами по столу. Если не поможет – попробуйте в две руки.

– Хорошо, – стоически кивнул я. – Принесите ваш рецепт, и я попытаюсь прочесть его. Но ничего не обещаю – уж если не вышло у самого Родольфо!

– Рецепт нельзя выносить из дома колдуна, – возразил староста, но уже не так уверенно.

– А мне надо работать, – отрезал я, теряя остатки терпения. И демонстративно включил компьютер.

ПокOLEбавшись, староста кивнул.

– Хорошо, Варак. Мы придём. И если ты прочтёшь и объяснишь нам рецепт, мы дадим тебе денег.

Я окликнул его уже в дверях.

– Зачем вам этот рецепт, Якоб? И при чём здесь сидр?

Староста помолчал немного, глядя на меня остро, с ястребиным прищуром.

– Видишь ли... В прежние времена в нашу деревню частенько наведывался... дьявол.

На последнем слове он понизил голос.

– Вот как? – против воли улыбнулся я.

– Он заявлялся всегда по осени, – кивнул староста с самым серьёзным видом. – Озорничал, шумел, строил всякие пакости. Даже писал на заборах бранные слова.

Он испытующе уставился на меня, а я лишь развёл руками. Хотя картинка нарисовалась забавная.

– Тогда наши предки выставляли дьяволу бочонок сидра, и он убирался во свояси. Этот дьявол очень любит яблочный сидр, Варак. Поэтому, заполучив своё лакомство, он всегда оставлял деревню в покое.

– Гм...

– Но уже два года, как он снова объявился. – В голосе старосты впервые промелькнула тревожная нотка. – И он очень злится, Варак. Прошлой осенью столкнулся в болото старика Матиуша, насилу мы его откачали. У Агнешки корова пала. А перед самым снегом Эмилю, свояку нашего Родольфо, дом подпалил – ночью высыпал на подоконник пылающих углей. Бедолага еле успел выбежать... Теперь снова осень, – помрачнел Якоб. – А мы опять не знаем, как варить этот чёртов сидр. И у меня дурные предчувствия.

Он почесал затылок и вышел, оставив дверь незапертой.

Они вернулись через час. Наверное, спорили насчёт меня до хрипоты.

Деревенский колдун был маленьким толстячком с чёрными кудрями, обрамлявшими гладкую лысину. В деревнях южной Европы нередок такой тип мужчин – кудри поэта и лысина торгаша. Родольфо нехотя, с большой осторожностью вошёл к столу маленькую сосновую шкатулку, украшенную грубой резьбой. На крышке кто-то неряшливо вырезал кривую и кособокую букву «Д».

Бедный Дэвил, подумал я. Не удивлюсь, что этот дьявол невзлюбил, к примеру, здешнего столяра. И писал всякие обидные слова как раз на его заборе!

В шкатулке на суконной подкладке желтел лист старинной бумаги. Родольфо бережно ухватил его двумя пальцами и предъявил мне.

Вот что я увидел на листке:

**Дваведрабузонскихяблок, сладкойпатокикувшин.
Отбродивши, сей напиток силы мрака сокрушит.
Если правильно напишешь, должен верно прочитать.
Ведь слова, что видишь выше, могут с бесом совладать.**

– Ага... Ну?

Это было моей первой реакцией.

Якоб с Родольфо испытующе глядели на меня.

– Что тут такого?

Ответа опять не последовало.

Я пожал плечами и нараспев продекламировал текст. Староста и колдун переглянулись, как мне кажется, со страхом.

– Обыкновенный рецепт какого-то яблочного сидра, – сказал я, вторично пробежав глазами лист. – Только почему-то слитно написаны две фразы. Про яблоки и патоку. И только-то...

– Это и есть рецепт бузонского сидра, Варак, – торжественно сообщил Якоб.

– Прежде дьявол его всегда слушался, – поддакнул колдун. – Только забирал бочонок и уходил.

– А в чём загвоздка-то? – удивился я почти уже искренне. И принялся энергично перечислять, загибая пальцы: – Два ведра яблок! С патокой, думаю, в деревне тоже не должно возникнуть проблем. Правда, из текста не ясно, какого размера кувшин. Но, в конце концов, это можно было давно определить экспериментальным путём! За двести-то лет?

– Яблоки... – с трудом выдавил из себя староста.

– Б-б-бузонские, – подтвердил Родольфо, неожиданно начав заикаться.

– Что? – не понял я.

Староста и колдун вновь переглянулись.

– У нас тут яблоневого сада, стало быть. Славные яблоки, старинные сорта, знамениты на всю округу. В бывшую столицу графства возами шлём. Но только никаких бузонских тут нет. И сроду не бывало.

– А где бывало? – машинально переспросил я.

– Мы и не знаем, что за сорт такой, – развёл руками колдун. – У агронома справлялись, из города – тот нас просто на смех поднял. Нет, говорит, такого сорта – бузонского. Не морочьте мне голову.

– И сроду не бывало, – заученно повторил староста.

– Ага, – пробормотал я, чувствуя, как мысль временно упёрлась в тупик. – Ладно. В таком случае глянем на вторую часть текста.

Деревенские дружно кивнули.

– «Если правильно напишешь, должен верно прочитать». Что ж, так и сделаем.

Я указал на старенький ноутбук, мой верный спутник во всех поездках, и пояснил гостям:

– Сейчас я наберу этот текст на экране, разобью слитные слова и распечатаю. Тогда нам останется только прочитать ваше заклятье и правильно его понять.

Они молча проглотили «заклятье». В конце концов, как я ещё должен был называть эту белиберду?

Принтер у меня тоже всегда под рукой – я давно взял в привычку вечером прочитывать с листа написанное за день.

Староста и колдун внимательно следили за моими манипуляциями. Я загрузил

печатный редактор, придвинул к себе рецепт и привычно застучал по клавишам. Разумеется, я разъединил слова первых строчек, написанные невзвешенно, и текст на экране сразу приобрёл внятность и стройность. Впрочем, так было, покуда я не добрался до предпоследней строки.

«Должен верно прочитать» – допечатал я.

Но едва на экране появилось следующее слово «ведь», как случилось нечто в высшей степени странное.

Мягкий знак вдруг отделился от остальных трёх букв и покатился вниз экрана. Там, в правом нижнем углу, он пару раз нервно вздрогнул, затем пьяно качнулся и замер.

– Что за дьявольщина?

Я озадаченно глядел на экран.

– Именно. Самые что ни на есть бесовские козни, Варах.

На моё плечо легла тяжёлая ладонь старосты. Его пальцы пахли табаком и сладковатым запахом чего-то смутно знакомого. Может, это и есть патока?

Прошло два часа, а я всё ещё возился с рецептом треклятого сидра. С этим текстом творилось поистине что-то невероятное. Буквы, слова и даже целые предложения словно взбесились и теперь разгуливали по экранному полю, точно шаловливые козы. Они скакали, падали, прятались за спинами друг дружки, порою вкраплялись внутрь других слов, а однажды устроили настоящую свистопляску, неистово кружа вокруг первого четверостишия разъярёнными пчёлами.

К полудню я не выдержал и перепечатал рецепт точь-в-точь, как было на бумаге. И лишь тогда буквы успокоились и послушно встали на свои места.

Якоб с Родольфо к тому времени уже ушли. По деревне прошёл слух, что кто-то в чёрных одеждах с утра бродит в садах, трясёт яблони, стучит палкой по штабелю и швыряет камни в окна. И оба деревенских джентльмена рысью отправились на ловлю бродяги.

Я клятвенно обещал им, как только добьюсь хоть какого-то результата, вернуть рецепт в целостности и сохранности. Стоит ли говорить, что к тому времени я уже готов был разорвать злобный листок в мелкие клочки?

Два ведра бузонских яблок ехидно подмигивали мне с экрана монитора. Они твёрдо обещали: стоит тебе отделить от нас хоть килограмм, приятель, и вся эта стройная картинка опять рухнет, уж будь уверен.

Разумеется, я несколько раз попробовал. Но текст возмущённо реагировал даже на единственный пробел, который я попытался вставить между ведрами. Из него тут же, как из рога изобилия, сыпались буквы, слоги, даже знаки препинания. Я вернул всё обратно и крепко задумался.

Конечно, это не был компьютерный вирус или другой сбой системы. Я перепробовал разные текстовые форматы и шрифты, но всё бесполезно. К тому же я вдобавок успел пережить сильнейшее потрясение, после того как отставил в сторону компьютер и попытался переписать текст от руки.

Для этого пришлось воспользоваться карандашом и ластиком. Переписав рецепт на листке хорошей печатной бумаги, я аккуратно подтёр в первой строке слово «яблоко». А затем попробовал написать его через пробел, понемногу разделяя уродливую мешанину слов. И впервые в жизни, не веря собственным глазам, увидел, как написанное от руки сопротивляется своему творцу!

Буквы вдруг стали точно резиновыми – я буквально чувствовал физическое сопротивление каждой; и одновременно пришло ощущение, что я, как маленький школяр, впервые вывожу их в тетради грамматических прописей. Пальцы быстро деревенели, а грифель карандаша увязал в словах рецепта, словно в застывшем студне.

Наконец кое-как нацарапал «дваведрабузонскихяблок».

Конечно, я заранее выбрал большой отступ, чтобы затем последовательно стереть «бузонских» и «вёдра»; а потом уже по очереди, всякий раз закрепляясь на достигнутой позиции, переписать их вновь, уже через пробелы. Спустя четверть часа мне это с грехом пополам удалось. Правда, к тому времени я дважды сломал грифель карандаша и почти до дыр протёр бумажный лист. Но едва я с воодушевлением принялся за «сладкопатокикувшин», как злосчастный текст просто рассыпался буквами по всему листу!

В молодости, работая в районной газете, мне однажды довелось просыпать в цехе на пол набор целой полосы. Тогда ещё не было компьютерной вёрстки, и я до сих пор не забуду подножие печатной машины-линотипа, усеянное мелкими свинцовыми буквами. После того как удалось собрать весь набор и заново сложить, у меня долго не разгибалась спина и болели колени. А сейчас я впервые видел, как оживают и рассыпаются на листе бумаги рукописные каракули моего собственного, отнюдь не каллиграфического почерка!

Теперь я отчётливо понимал, что дело не в компьютере, не в шрифтах и даже не в бумаге. По всему видать, именно в «склеенных» словах этого хмельного деревенского заклятья и таилась какая-то загадка. Но мне совсем не хотелось думать, что я имею дело с настоящим, невыдуманым деревенским колдовством.

Якоб с Родольфо поджидали меня в доме старосты. Их ничуть не удивила моя неудача; напротив, они вроде даже приободрились, видя, что и я, наконец, начинаю чего-то «понимать».

– Откуда у вас эта бумага? – первым делом спросил я сельских джентльменов, не в силах скрыть досады.

– Два века назад её оставил один монах, из далёкого горного монастыря, – ответил Якоб. – Наши селяне тогда оказали ему услугу, – прибавил он, неумело отводя взгляд.

– Какую именно? – нажал я.

Эта история страшно заинтриговала меня, но о том, что заставляет двигаться по бумажному листу буквы и целые слова, я пока старался не думать. Когда тебя застаёт гроза в пустом поле, меньше всего думаешь о природе небесного электричества, а прежде всего – об укрытии от непогоды.

– Тот монах будто бы сильно занемог в пути и попросил пристанища. Кажется, деревня спасла ему жизнь, – ответил староста.

– В награду за это он и оставил свой листок, – важно изрёк Родольфо, потрянув кудрями.

Похоже, что мнения насчёт колдовского рецепта у жителей деревни разделились. Да и колдовским он теперь вряд ли мог называться, поскольку оставлен в дар духовным лицом. О чём я не преминул заметить своим собеседникам.

– В монашескую рясу мог вырядиться чёрт-те кто, – проворчал Якоб.

– Якоб считает, что бузонский рецепт подсунула недобрая рука, – пояснил Родольфо довольно скептически.

– Никакая не рука, – мрачно произнёс староста. – Если хотите знать, это и была лапа самого дьявола. Он просто посмеялся над нами, подсунув людям свою писульку.

– Во все не писульку, а материальный сверхъестественный факт, – решительно возразил Родольфо. – И он послан нам свыше! Ни одни слова, ни в одной книжке не выделывают таких чудес, как в рецепте бузонского сидра.

Это, видимо, было сигналом к возобновлению давней дискуссии. Деревенские джентльмены увлечённо заспорили, а я вышел глотнуть свежего воздуха на крыльцо под сень клёнов, укрытых облачками красной листвы. С наслаждением

растёр в ладонях сухое резное сердце листика, всё в жёлтых прожилках, точно в кровеносных сосудах. Представил себе на миг, как ранним утром в тумане хромает здесь чёрная фигура в монашеской сутане, злобно хихикая над тем, как ей ловко удалось провести деревенщин.

Представил себе – и усомнился.

В этой горной деревеньке под синим небом с белоснежным попкорном облаков мне почему-то никак не верилось, чтобы дьявол сумел чинить здесь козни безраздельно, с Божиего попустительства. Ведь всегда, в самой горькой беде и великом отчаянии Всевышний непременно подаст человеку знак. И это будет Знак, который тоже ещё нужно суметь увидеть и верно понять.

Я отряхнул руки и в замешательстве посмотрел на ладони. Странная, необычная мысль пришла мне в ту минуту, когда я разглядывал собственные пальцы. Они вдруг показались мне отдельными буквами. А воедино – словом.

– А почему же тогда у Стефании сегодня случился сердечный приступ? Как раз после того, как ей запустили в окошко камнем? – донеслись из комнаты звуки сварливой перепалки. – И почему этот тип хромал, точь-в-точь как старый бес?

– Это просто бродяга, Якоб, чего ты кипятишься? Мы спугнули его, и теперь он давно ушёл в горы.

– Спугнули, говоришь? Чего же тогда в деревне с утра дышать нечем? И грозы вроде не предвидится? А я тебе отвечу, Родольфо! То адская сера клубится над нами, с той самой минуты, когда Варак начал возиться с чёртовыми письменами. Дьявол опять бродит по деревне, Родольфо, говорю тебе, суший дьявол. И никуда он не уйдёт, покуда...

Я спустился с крыльца, судорожно вздохнул – впрямь было душновато! – и побрёл по улочке, пристально глядя на свои ладони, словно впервые их увидел.

В самом деле, вот большой палец правой руки – заглавная буква! Отделена как бы пробелом от указательного и так далее. Ни дать ни взять – слово, написанное Господом для того, кто сможет прочесть и понять. Только пальцы-буквы не отделены друг от друга окончательно, а вырастают из единой плоти. Быть может, потому и слово едино. В нём невозможно что-то исправить, не лишившись пальца.

Я опустил глаза. Есть ведь ещё и ноги!

Это что же получается?

Двадцать пальцев на руках и ногах. Четыре слова по пять букв. И они не сливаются воедино, поскольку между ними... пробел?

Я не заметил, как уткнулся в забор.

Ну, конечно! Моё собственное брненное тело – это и есть пробел, водораздел между словами, знаками-буквами, данными нам от рождения, чтобы однажды прочесть их и правильно понять. Ведь поначалу мы и впрямь подобны типографскому пробелу, пустоте, если угодно. И лишь потом, вырастая, понемногу начинаем заполнять собственную пустоту, утруждая душу и ваяя тело. А знаки – знаки остаются всё теми же! Потому что это – Его знаки. Знаки Всевышнего.

Я затравленно огляделся, точно кто-то мог меня подслушать. В ту минуту из дома выглянули оба сельских джентльмена. И тогда я быстро зашагал пыльной улочкой, не обращая внимания на удивлённый окрик Якоба и недоумённое лицо Родольфо. Листок с рецептом бузонского сидра так и остался лежать на столе в кабинете старосты, но теперь он мне ни к чему. Я давно выучил наизусть эти строки, и если только моя догадка верна, попробую написать их верно. Ведь я уже приблизился к разгадке настолько, что почти чувствовал её сладкий, волнующий аромат. Он казался мне сейчас запахом свежесваренного сидра, в котором к пьянящим тонам яблок примешивалась тонкая, грустная нота прелых осенних листьев.

Вернувшись в гостиницу, я поскорее вызвал на экране первоначальный файл с текстом, дословно перепечатанным из рецепта. Программа печатного редактора привычно подчеркнула красным «дваведрабузонскихяблок» и «сладкойпатокикувшин». Но пока мне было не до них.

Должен быть знак, твердил я всю дорогу к дому. Должен быть правильный знак! Я чувствовал это, я знал. И, нажав клавишу *Shift*, стал поочередно выбирать из верхнего ряда клавиатуры значки над цифрами.

! @ # \$ % ^ & * ( ) _

Помню, что я замер ещё до того, как нажал следующий знак. И не потому, что отменно разбирался в компоновке клавиш. Я просто увидел его прежде, на клавиатуре, и сразу понял – это и есть он:

+ – знак плюса.

Он! Для любого пользователя это, конечно же, был привычный, ничем не примечательный значок сложения – крестик «плюс». Для меня же – знак. Его Знак.

Несколько минут я сидел, тупо глядя на экран, приводя в покой голову и сдерживая сердце. А потом осторожно, затаив дыхание, стал заполнять Знаком все пробелы, всю пустоту, зиявшую между словами-ладонями, между крайними буквами-пальцами слов:

**+Дваведрабузонскихяблок,+сладкойпатокикувшин.+
+Отбродивши,+сей+напиток+силы+мрака+сокрушит.+
+Если+правильно+напишешь,+должен+верно+прочитатьь.+
+Ведь+слова,+что+видишь+выше,+могут+с+бесом+совладатьь.+**

Теперь каждое предложение не содержало в себе пустоты пробелов. Их место заняли Знаки. Кроме того, Знаки защищали строки и слева, и справа. Пустоте больше не было места угнездиться, чему я несказанно обрадовался.

Потом я навёл палочку курсора в самую середину «сладкойпатоки». Перекрестился, вдохнул поглубже, точно намеревался нырнуть в чёрный, глубокий омут. И установил на границе слов Знак Господень.

Ничего особо странного не случилось.

Кроме того, что теперь два слова ожидаемо разделились крестиком. Но этот малый крестик казался мне сейчас могучим оружием, грозным и суровым стражем, выражением божественной мощи.

Окрылённый успехом, я установил крест вслед за «патокой» и сурово глянул на первое слово текста. В тот миг я сам себе казался воином Христовым, выступившим в поход за истиной, и пафос моих чувств в эти знаменательные минуты, заметьте, ничуть не смущали будничность гостиничной обстановки и мягкое, уютно-домашнее свечение экрана ноутбука.

Тремя вдохновенными нажатиями клавиш я разделил кувшины с яблоками и довершил начатое дело. А на мониторе тем временем вновь стали происходить удивительные вещи. Буквы дрожали, слова изгибались дугою, кресты наливались багровым пламенем, от иных словно летело искрами расплавленное серебро. Кажалось, слова бузонского рецепта испытывают сильнейшее давление и адский жар, хотя сам ноутбук оставался чуть тёплым, и его вентилятор работал, как обычно, вполсилы.

Затем по экрану пробежала рябь, буквы выровнялись, как солдаты на плацу, и текст застыл, словно остывающая форма.

За моей спиной послышался сдержанный вздох. Я обернулся – это Якоб с Родольфо, оказывается, уже давно стояли позади, следя за каждым моим движением.

– Невероятно... – прошептал колдун. – Просто невероятно.

– А что будет, если убрать один крестик? – недоверчиво пробормотал Якоб.

Я молчал.

Кто это знает? Кто это сейчас вообще может знать?

И в этом ли дело?

Но чудеса ещё не закончились. Будто вняв деревенскому старосте, все Знаки Господни в одно мгновение преисполнились сияния, достигшего за минуту ослепительной силы. Я не знал что делать: ещё минута – и матрица видеокарты сгорит, и сам экран вспыхнет синим пламенем. Но потом Божии Знаки стали быстро блёкнуть, их сияние угасало на глазах, и вот уже последние два креста, словно багровые угли, тлеют на экране. Скоро и они исчезли.

На месте Знаков теперь белели пробелы. Обычные, в одно нажатие клавиши. Но странным образом я откуда-то знал: отныне в них уже не было прежней пустоты, но появилось некое содержание – новое, невидимое, но значимое и весомое. Сам же текст теперь стал цельным.

Кажется, это поняли и деревенские джентльмены. Колдун Родольфо истово вытер пересохшие, горячие губы рукавом и прошептал с благоговением:

– Господь явил нам Знак. Только что...

И я окончательно уверился: должность колдуна в этой деревне всегда оставалась выборной. Потому что суть её сводилась лишь к хранению того, что многие в деревне всерьёз полагали дьявольскими письменами. А столь набожного человека, как Родольфо, в деревне ещё поискать!

– Всё равно это писано дьяволом, – проворчал староста Якоб.

Он угрюмо кивнул на шкатулку, которую всё ещё сжимал в дрожащих руках Родольфо.

– А Господь изгнал его, лишив подлого языка и предав немоте, – убеждённо произнёс плешивый кудряш. – Потому как суть дьявола – пустота и обманка.

Думаете, я возразил ему?

Ни слова.

Через две недели я покидал эту деревню. К тому времени я отведал немало местного сидра. Да что там – я пил его большими кружками! И всякий раз поражался удивительному вкусу – пьянящий хмель красных яблок и грустный привкус очаровательной лиственной прели. Не от той ли осени и происходит слово «препель»? В те чудесные дни я был искренне уверен в этом.

Якоб с Родольфо рассказали о моем открытии жителям деревни, но, мне кажется, те не выказали большого интереса. К тому же отныне все напасти, будь то грозы, пожары, болезни или просто разбитые стёкла, прекратились, а урожай яблок выдался просто отменный. Да и были ли это чьи-то козни? Обычное чередование знаков и пробелов, имя которому – жизнь человеческая.

Зато староста с колдуном твёрдо уверились, что в пустоте между слов монашеского рецепта содержалась великая сила, которой сатана страшился пуще святой воды. Будто бы мне удалось высвободить её, правильно написав и произнеся заклятье, и раздосадованному бесу ничего не оставалось, как убраться восвояси.

– Провалился в самый ад, чертяка, – всякий раз со вкусом произносил Родольфо, когда речь заходила о рецепте. А других тем у них просто не было!

Сельские джентльмены обсудили немало теорий насчёт бузонского сидра и руки, что должна была помешивать ложкой в его закипавшем чане. Эти теории выглядели в равной степени как занимательно, так и фантастично. Родольфо был

абсолютно убеждён, что рецепт бузонского сидра послан им в результате божественного промысла, дабы сокрушить ретивого беса. И, значит, два века назад их деревню посетил не кто иной, как ангел, вручив рецепт не сидра, но победы над самим сатаной.

Якоб же, напротив, полагал, что рецепт подсунул деревне скучающий бес во искушение соблазна вступить с ним в противоборство. Однако его вызов не имел успеха, и оттого бес разозлился не на шутку.

Мне, однако, нелегко поверить в дьявола, вздумавшего подшутить над жителями крохотной деревеньки – и масштаб для его козней не тот, да и сами селяне показали мне не слишком-то благодарной аудиторией. А всякий актёр непременно нуждается в зрителе. В конце концов, в каждом провинциальном городишке или деревне, думаю, всегда найдётся свой собственный, местный дьявол, благо почва для того имеется в избытке. Но если только рецепт бузонского сидра и впрямь принёс сатана, то, полагаю, деревня попросту выставяла ему бочонок сидра, чтобы отвязался. Не бузонского – своего собственного. Поверьте, он здесь достаточно вкусен, да что там – просто дьявольски хорош!

Что же до вашего покорного слуги, то я и по сей день уверен, что вся эта история с двумя вёдрами бузонских яблок и кувшином патоки не имела никакого касательства к судьбе деревни, а была послана лишь мне одному, как Знак. И никому более. В конце концов, ведь удалось же именно мне разгадать эту шараду!

Что за шутку выкинул тот, кто записал в бузонском рецепте пробелами Не-что – того мне неизвестно. Но я нередко думаю о том, что небеса время от времени посылают нам знаки самых разных природы и свойства. Дьяволу же остаётся записывать свои козни в мире знаков лишь языком пустоты. Как знать, не прав ли деревенский колдун, и не оттого ли столь яростно сопротивлялись слова рецепта, что пробелы в нем, написанном правильно и понятом верно, складывались в слова, крайне неприятные князю тьмы? А я дерзнул сложить эту головоломку, не признавая, что тем самым бросаю вызов самому чёрту.

Избран ли я для этого, или случаен выбор сделавшего меня своим орудием? Не знаю, ведь пути Господни, как известно, неисповедимы.

Да, я забыл упомянуть, что как только мне удалось переписать текст и произвести его вслух робким, запинаящимся голосом, – эту честь мне предоставили Якоб с Родольфо после краткого, но торжественного совещания – листок тут же объяло пламя, и он сгорел прямо в шкатулке. При этом на суконной подкладке почему-то не осталось и следа огня. Лишь горстка белого пепла, в котором теперь уже не было смысла.

